

Владимир Земша

ГЕРДА

История одной дворняги

Владимир Земша

Герда. История одной дворняги

«Издательские решения»

Земша В. В.

Герда. История одной дворняги / В. В. Земша — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740663-9

В центре внимания в рассказе — обычная дворняжка по имени Герда. Читатель получает возможность посмотреть на окружающий мир и, возможно, самого себя, собачьими глазами. Волею человеческого беспечного эгоизма маленькая Герда, ещё будучи щенком, оказывается на улице. Она проходит через все трудности выживания в мире, где человек — безраздельный хозяин. Хозяин, служить которому, собственно, и создано собачье сердце (по мотивам реальных историй).

ISBN 978-5-44-740663-9

© Земша В. В.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Герда

История одной дворняги

Владимир Валерьевич Земша

*В кровавом зареве заката,
В агонном ужасе смертей,
Лежат убитые щенята,
Жестоким волею людей.
Лежат пушистые комочки,
Их души воют и скулят.
Здесь мать и маленькие дочки
Прижались шкурками ряд в ряд.
Им не резвиться на лужайке.
Над ними солнце не взойдёт.
И голос любящей хозяйки,
Их никогда не позовёт
Убиты током и забыты.
Среди покрышек сожжены
Но ведь однажды будут квиты,
И злом за зло отомщены!
Простите, преданные друзья,
Убийство лютее своё!
Над вами плачут с воем вьюги
И кружит злое вороньё.*
В. Земша, декабрь 2014 г.

© Владимир Валерьевич Земша, 2021

ISBN 978-5-4474-0663-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пронзительный собачий визг наполнил пространство среди многоквартирных высоток, отражаясь эхом от серых бетонных стен.

Слышалась негромкая брань, топот, какая-то возня.

– Держи её!

– Чё ты скалишься, сучье племя!

– Давай-давай! Не рыпайся!

– Тащи её!

Два мужика в синих спецовках с оранжевыми вставками тащили упирающуюся, бежевого, или, как говорят собаководы, палевого окраса, собаку, на голову которой были брошены удавки.

Эти двое выражено пахли какой-то смесью пота, адреналина, бензина, металла и вчерашнего табачно-водочного перегара. Собака испуганно смотрела в их злобные точки зрачков, устремлённых на неё, мотая отчаянно головой, упираясь лапами. Сердце бешено колотилось. В собачьих глазах помутнело от стресса. Лязгнули металлические засовы. Захлопнулись двери. Стало темно. Запахи бензина и собачьего застарелого страха, от которого всё пространство здесь словно звенело, ударили ей в нос. Чавкающее жужжание стартера подхватил плевками мотор, и всё металлическое чрево собаколовов наполнилось тряской движения...

Какой-то босой человек в одних трико, голый по пояс, яростно прожигая взглядом удаляющуюся «Газель», мчался вслед, крича и размахивая руками.

– Герда-а!... Стойте!

...Примерно годом ранее

– Да утопи ты эти безродные твари, – благопристойного вида женщина, посмотрела с крыльца в сторону собачьей будки на сморщенных беззащитных щенков, тычущихся своими пищащими мордочками в мамкино чёрное бархатистое брюшко.

– Ну, Жучка, паскудная же собака! Нагуляла себе приплоду от Пирата! – добавила женщина и перевела взгляд на мужа, копошащегося неподалёку.

Пират, это был соседский сторожевой пёс рыжего окраса. На воротах этого дома было написано: «Осторожно! Злая собака!», что полностью соответствовало написанному. Хотя было бы сложно точно сказать, кто в этом доме был злее, пёс или её хозяин, воспитывающий своего питомца себе под «стиль»!

Жучка, виновато опустив голову на бок, пылливо из будки смотрела хозяйке в глаза, словно пытаясь уловить в них свою судьбу и судьбу своих отпрысков, затем, зевнув, от нахлынувшего чувства тревоги, она, ища по-собачьи примирения, отвернулась. Своим чутьём она понимала, что что-то не устраивает её хозяйку. Но вот что именно? Она принялась с усердием лизать попискивающие комочки, обнюхивая каждого.

Как она чувствовала, эти беззащитные создания явились на свет именно для того, что бы стать объектом её заботы и её защиты. Материнский инстинкт требовал от неё полной самоотдачи ради них. Но только вот что думают обо всём этом её хозяйка и хозяин? Что дальше? Что же будет дальше? Впрочем, собаке не свойственно заглядывать в далёкое будущее. Так что её беспокоил лишь вопрос ближайшего момента. Как и любая собака, она легко выделяла своих лохматых соплеменников от людей, однако последние казались ей какими-то особыми разновидностями всёмогущих собак, служить которым и было её призвание безродного дворового пса, проводящего свою жизнь, если вообще повезёт иметь хозяев, на цепи вокруг своей будки. Ей повезло больше, чем соседскому Пирату, которого хозяин держал в ежовых рукавицах, будучи убеждённым в том, что доброта только «портит собаку». Поэтому не только сам её не баловал, но других, вообще держал на приличном от неё расстоянии, формируя в собачьей голове «образ врага» вокруг, даже в лице собственных соседей! Так что Жучке вообще-то повезло! Хозяева её были, в принципе, сердобольными, иногда спускали с цепи, давали порезвиться. А хозяин даже иногда брал её с собой в лес. Лес, полный такого раздолья! Хозяин в лесу, в отличие от неё, не бегал и не резвился. Он занимался там совершенно странными для неё вещами. Но она охотно кидалась в воду за брошенной им палкой, счастливо выскакивала на песчаный берег, неистово отряхивая свою чёрную шерсть. Мир вокруг был наполнен такой вожаделенной радугой запахов растений и жизни, чарующим ароматом иных собак, каждый из которых манил её к себе, словно магнит, порой лишая, особенно по весне, покоя. Периодически её неудержимо тянуло к своим лохматым собратьям. Трудно было понять, для чего. Но что поделаешь против инстинкта! Да-да, именно, заложенного природой-матушкой, инстинкта, волею которого, её так сильно и тянуло на эту, полную неведомых приключений, свободу. Она уже совсем не помнила свою мать. Ведь они расстались так давно! Примерно два или три года назад. Что тут поделаешь!

(Собаки быстро забывают, как своих родителей, так и детей. Это происходит, как только подросшие «ошерстившиеся» щенки перестают нуждаться в материнской опеке. А вот с собачьим отношением к человеку дело обстоит иначе. Собачья преданность своему хозяину снискала не только всеобщую известность, но и стала эталоном беззаветной самоотверженной верности, не требующей многого взамен.)

Сейчас Жучка впервые стала матерью, и мир предстал перед ней с новой, совершенно неведомой ранее стороны. Теперь она не прежняя беспечная молодая сука, ищущая приключений, а степенная мать. Она часто дышала, открыв пасть, спустив язык набок, облизываясь, время от времени. Рядом копошились в подбрюшьях щенки.

– Сосед! Слухай! – из-за забора высунулся хозяин Пирата.

Это был плотного телосложения мужчина лет сорока пяти, он всегда двигался уверенно, как лев, его глаза были наполнены холодной безжалостной жестокостью. Глядя на него, казалось, нет в мире ничего, что могло бы поколебать жёсткое сердце этого человека.

Увидев Жучку, он осекся.

– О, эта щё, оценилась твоя сука шоли?

– Спасибо тебе, сосед, и твоёму кобелю!

– Да, ладна! Всегда пажалста! Ты вот щё, просьба к тебе ё.

– Кака така просьба-то, сосед?

– Да така! На, вот, ты колбасу моёму Пирату кинь, а як он до тебе подойдет, ты его палкой-то и огрей. Не очень сильно, тока. Ага?

– Ты чё, сосед? Накой то нужно?

– Да на той, дрессирую я пса свохо, щёб он тока у своих жратву брал.

– Ну, сосед, ты как хошь, но я же твой сосед! Не буду пса твоёго бить!

– А-а-а, – манул тот рукой, – ничохо ты не разумеешь!

Этот человек, из всех живых существ, если кого и любил, так только собак, остальных – исключительно привязанных к дереву в виде охотничьего трофея. Его душа источала злобный дух, отражаясь в выражении его лица, постепенно ставшее подобно злобной маске, отражающей сущность этого человека. Ведь недаром говорят, что «в двадцать мы имеем то лицо, которое дала нам природа, в тридцать – какое сами сделали, а потом – какое заслужили». А что заслужил этот человек? Ведь он получал удовлетворение от убийств животных, которых он любил лишь как мишени, да и собаки, те для него были лишь слуги, служащие его прихотям. Для этого он и держал псину в «ежовых рукавицах», натравливал на барсуков и иную живность, развивая в ней агрессивность.

Итак, злобный сосед скрылся. Хозяин только усмехнулся ему вслед: «Ну чё за человек!»

– Клавдия, хде ведро? – мужчина вернулся мыслями к своей проблеме, решительно подошёл к будке. Споткнувшись о цепь, вступил в собачьи испражнения, зло выругался.

– Ну, Жучка же, нагуляла приплоду, а мне теперь тут...! – он стукнул кулаком по будке, неистово, с брезгливостью отирая подошву о землю.

Он был крайне не рад, что это именно ему теперь предстоит делать эту грязную, паскудную работу! Да что уж тут поделаешь, мужик он или не мужик, в самом-то деле?!

Собака вздрогнула, прижала голову к земле. Посмотрела на хозяина, пытаясь уловить причину его недовольства, ничего не поняв, принялась снова вылизывать малышей. Возможно, предполагая, что именно этого и ждёт от неё её любимый хозяин. К своим пищащим малышам она могла допустить лишь его, к которому её доверие было безграничным. Она смотрела, как хозяин берёт одного за другим, лишь сердце в волнении усиленно билось. Лишённые материнского тепла, они сучили лапками, открывали розовые маленькие беззубые ротки-пищалки.

– Ой! Каки-и-е ма-а-аленькие! – появился восьмилетний хозяйский сын и протянул руку.

– Иди, иди, иди, сынок, иди! – отец повернулся к жене. – Мать! Ну, ты чего-о? Куда смотришь?

– Папа, дай посмотрю-ю-ю! – продолжал мальчишка.

– Да дай ты ребёнку! – поддержала мать сына. – Пусть себе поиграется.

– Я вот этого, светленького хочу! – мальчишка оживился.

– Поигра-а-ется! Ну, зна-а-ешь! – отец недовольно вытащил из ведра одного из пискунов, сунул сыну. – Держи Петька, твоё, – и, явно психуя, продолжил свой прежний путь к мойке...

Сука натянула укороченную цепь до душащей тяжести в ошейнике. Стояла, напряжённо высматривая ушедшего за угол хозяина. Она урывисто дышала открытой пастью. Капли слюны часто падали на землю. Под брюхом отвисли набухшие «сосочные ряды», ожидая тех, для кого и были приготовлены. Но всё тщетно. Тщетны и бесполезны собачьи горькие слёзы, тихо катящиеся по горлу и выедающие сердце своей безмолвной тоской безнадёжности. Эти полные безысходной грусти собачьи глаза, виновато, с надеждой и горьким укором, смотрящие на вас...

(Некоторые скажут, что это сопливый бред, ведь собаки не умеют плакать, но так думают лишь те, кто безнадёжно заражён «проказой» слепого высокомерного жестокосердия, расплата за которое придёт неизбежно. Ведь человек становится человеком исключительно через добродетель и способность к состраданию, человеческому состраданию!)

Вскоре хозяин вернулся, сплюнул на землю, бросил пустое ведро в сарай. Ярко светило солнце. В ветвях деревьев щебетали птицы, хлопоча о своих птенцах. Порхали, спариваясь, бабочки. Вся природа, казалось, была озабочена одним... Водная гладь лужи, надменно подёрнутая зыбью, равнодушно отражала синее небо. А в компостной гнилой яме, что неподалёку, среди пирующих здесь зелёных откормленных мух, уныло было погребено всё то, что было уже не нужно этому яркому солнечному миру. Вот и всё. Всё так грустно закончилось для них, даже и не начавшись...

Мальчишка вышел из калитки. Когда он проходил мимо соседского дома, Пират едва не выпрыгнул из шкурки, злобно лая и рыча из-за забора.

«Только бы не вырвалась на волю эта страшная рыжая псина!» – подумал мальчишка, сжавшись.

И вот, где-то позади лай злобного рыжего Пирата. Петька браво шагал со щенком в руках по улице «частного сектора», за спиной которого горами возвышались многоквартирные высотки нового спального микрорайона.

– Колька, Маринка! Смотрите! Кто тут у меня ёсть! – он вытянул ладонь со щенком. — Ходь сюдой!

Детвора с любопытством облепила мальчишку.

– Ой, какой он ма-а-ленький!

– Дай потрогаю!

– Ой, смотри-и-и! А него уже есть хвостик! Ма-а-аленький такой.

От такого внимания Петька чувствовал себя героем дня. Авторитет его популярности рос буквально на глазах. Так, по-крайней мере, ему казалось. Он был горд. Щенок теперь его беспокоил гораздо меньше, чем это приятное ощущение себя «осью», вокруг которой в этот миг вращался, казалось, весь знакомый ему детский мир.

– Петя, а дай поддержать мне. Можно? – девочка вытянула ладошки и проникновенно посмотрела ему в глаза.

– Па-жа-а-лста! – снисходительно ухмыльнулся Петька и протянул щенка Маринке.

– А как его зовут?

– Не знаю. Никак ещё, – пожал плечами хозяин пушистого чуда.

– Ой-ой-ой! Он щекочит мне ладошки ротиком. Он хочет меня скушать, – девчонка весело сморщилась, втянув голову в плечи.

– Он сиську ищет, нафиг ты ему нужна! – заявил Колька.

– Нашёл где сиську искать! – усмехнулся Петька.

– Это мальчик или девчонка? – любопытствовала Маринка.

Петька, задумавшись, перевернул щенка кверху пузом, и вся дружная братия принялась внимательно изучать ситуацию под хвостом...

– Сучка! – наконец, Колька вынес вердикт.

– Сам ты су-у-чка! – Петька неодобрительно посмотрел на товарища. – Это девочка! Собаческая девочка.

– А давай, назовём её Лизкой, – предложила девочка.

– Лизкой? Почему Лизкой? – пожали плечами мальчишки.

– Да потому, что она лижет мне ладошки! – засмеялась Маринка. – Потому она и есть Лизка!

– Ну, не зна-а-ю! – задумался Петька. – Я думал Бежкой назвать, за цвет...

– Не-е-е, Лизка лучше! – Маринка сложила губки бантиком. – Петь, а Петь, подари мне Лизку, вытянув нижнюю губу, открыла как можно шире глаза, подняла жалобно вверх брови.

Петька усмехнулся. Задумался, хитро посмотрел на подружку.

– Ну? – Маринка свела брови.

– Да пажалста! Дарю-ю! – щедро, словно с барского плеча, прозвучал ответ. – У меня дома ешо ёсть пять штук таких же!...

...Спустя несколько месяцев

Квартира одной из множества новых многоэтажек, динамично, на радость горожан, наступающих на городские пригороды типовыми спальными микрорайонами, была наполнена утренней суетой.

– Да ё маё опять лужа! – Маринкин отец брезгливо поскакал на одной ноге в ванную.

– А ты как хотел? Выгуливать нужно вовремя! – резонно заявила Маринкина мать.

– Вот Маринка себе завела игрушку, хай и выгуливае! – выкрикнул из ванны отец.

– А мне в школу к восьми! Мне некогда, – возмутилась Маринка, потирая заспанные глаза...

Едва отец вышел из ванной, держа в руке мокрые скомканные носки, как снова раздался его возмущённый баритон.

– А это что? Теперь твоя Лизка сгрызла мне ботинки, мало ей было маминых туфель на прошлой неделе! – он снова отчаянно взмахнул руками, пнул боты, взялся за голову.

Маринка молча хлопала глазами, типа «она тут ни при чём».

– А я вам говорила, собаке не место в квартире с человеком! – уже раз в сотый или даже тысячный заявила Маринкина мама. – Да отнеси ты её, наконец, назад в частный сектор.

– Выбросить предлагаешь? – отец глубоко втянул в лёгкие воздух.

Да ей там лучше будет. Она там себе двор найдёт и будет счастлива. Точно тебе говорю!

Маринка насуплено молчала, пакуя школьный рюкзак...

...Прошло еще сколько-то времени

Молодая бежевая сука неприкаянно бегала по деревенской улице, зажав в зубах любимый мячик. Одна. Куда-то исчезли хозяева. Увлечённая игрой, она и не заметила. Ведь воздух свободы вокруг был таким пьянящим! Таким манящим. Лизка бросилась за скачущим по дороге мячом и всё...

Смеркалось. Небо залилось багряным заревом, отражаясь в окнах домов, где временами уже начинали включать свет. И красочный мир стал погружаться в двуцветную черно-белую гамму. Ей становилось страшно. Она пробежала мимо забора, откуда её демонстративно облаяла какая-то черная собака, явно отрабатывая перед своим хозяином свой «собачий хлеб».

– Жучка, заткнись, – раздражённо гаркнул на неё хозяин.

Лизка остановилась. Словно лёгкой тёплой волной смутные воспоминания лизнули её нос знакомыми запахами. Она, внюхиваясь, урывисто перекачивала мокрым чёрным пяточком носа воздух, стараясь уловить те мимолётные знакомые волны, моментально растворяющиеся в бурных потоках иных, совершенно чужих запахов. Снова раздался лай Жучки и скрежет, волочимой по земле, цепи.

Ей начала вторить из соседнего дома рыжая злобная псина.

– Да, блин! На кого они там лают?

– Да, тут собака какая-то приبلудная за забором бегают.

– Петька, шугани ты её, а то наша совсем на дерьмо изойдёт, – мужчина повернулся к своему псу. – Жучка, фу-у, сказал же тебе! А Пират и без того беснуется на любой шорох. Да шо это за безобразие! Соседа уже неделю не видно. Сам переехал, а пса кинул. А пёс не кормленный. Сыну, ты кинь ему опосля чего пожрать, может.

– Бать, мож лучше выпустить его, нехай сам себе еду найдёт, а то помрёт на цепи-то. Жратву он от нас- то всё равно не возьмёт. Всё, как его хозяин научил!

– Да как такого выпустишь, он к себе не подпускает, жутко уж злая тварюга! Да и страшно такого-то спускать-то с цепи!

– Помрет значит!

Пацан, манул рукой и отправился за калитку, выйдя на улицу, топнул ногой по земле перед испуганной Лизкой.

– Брысь, давай, беги тудой!

Сердце Лизки испуганно сжалось. Она отпрыгнула в сторону и, озираясь, время от времени, побежала в сторону знакомых ей многоэтажек, в теплящейся надежде всё же разыскать её потерявшийся дом.

Осенний вечер погасил алые закатные краски прежде обычного. Дворовые пустеющие пространства, окружённые серыми вершинами многоквартирных высоток, светящихся оконными сотами, наполнились стынувшим одиночеством. Эти серые бетонные стены словно разделили весь мир надвое. На светлый тёплый мир уютной безмятежности и тёмный мир, полный равнодушного холода, и неприятных неожиданностей. Лизка тщательно обнюхивала пыльные дворовые тропинки, протоптанные жильцами назло заасфальтированным дорожкам, облезлые ножки скамеек, пакостно обмеченные собаками.

«Ну, где же они, знакомые следы родного двора?» – нервно думала она.

Пробежал невозмутимый пёс. Его шелковистые рыжеватые локоны шерсти щедро спадали с боков, большие уши обрамляли благородную морду. Как он был элегантен! Герда даже принялась своим чёрным мокрым носом кобелю вслед. В воздухе шлейфом за ним веяло запахом, словно «Hugo Boss», не меньше, если перевести на человеческое-то восприятие. Рядом шёл скучающий хозяин, ёжась и зевая. Такова она, хозяйская участь. Выгуливать своего питомца, невзирая ни на дождь, ни на снег, ни на какие иные обстоятельства, бессовестно позволяя своему питомцу обгаживать прилегающие дворовые территории, включая и детские площадки, назло своим соседям. Вот и сейчас. Пёс присел прямо на детскую песочницу..., хозяин отвернулся, вжав голову в плечи, типа «моя хата с края, ничего не знаю, ну и, разумеется, ничего не вижу»...

Вскоре хлопнула дверь подъезда, и холёный пёс с хозяином исчезли. Лизка подошла к подъезду, обнюхала дверь. Как он был похож на её обитель, ставшую для неё родной. Но, увы, ни единого знакомого запаха. Что тут поделаешь! Все дома и дворы в «спальных» микрорайонах похожи один на другой...

– Эй, архаровцы! – женский прокуренный голос возле одного из подъездов заставил собак вздрогнуть. – Жрите, вот вам, бедолаги бездомные!

Она осторожно вывалила на пакет куриные кости, остатки хлеба и прочие объедки. Отошла в сторону. Достала сигарету, понюхала, запалила и втянула жадно полными лёгкими гадкую никотиновую смесь дыма, приносящую ей умиротворение и радость, наверно даже бо́льшую, чем собаке ароматная косточка...

Едва, уже изрядно проголодавшаяся Лизка, сунула морду в пакет, издающий божественный запах долгожданного ужина. Какой аромат! «Французская кухня», не меньше... Раздалось глухое рычание и вожак, обнажив желтые клыки зубов вытянутой для атаки пасти, ринулся в её сторону. Та, поджав хвост, отскочила в сторону. Остальные псы лишь завистливо наблюдали из тени, как тает скудная провизия под жадным напором челюстей их лохматого, похожего на чёрта, предводителя стаи.

– Ну, ты, один всё сожрёшь, вот же засранец! – воскликнула сердобольная женщина, топнула ногой, что бы отогнать зажавшуюся собаку, но, получив нотки гортанного рыка в ответ, манула рукой и поспешила скрыться в подъезде. Что же! Известное кино! Не трожь собаку во время трапезы!

Вдруг одна из собак взвизнула и, пронзительно скуля и подвывая, завертелась подобно юле. Лизка напряглась. Вожак перестал жрать. Раздался хохот пацанов в окне дома напротив. Они передавали из рук в руки какую-то гладкоствольную палку, к которой они зачем-то прикладывались щеками по очереди. В эту минуту Лизку больно прошила боль в боку, она взвыла, пополня жалобный плач других псов, и они все вместе пустились на утёк. Мир вокруг был не просто равнодушным зрителем происходящего, казалось, сам мир вокруг буквально источал эгоистичное презрение к чужому страданию, упивался причинением кому-то, кто не может противостоять, боли, любого зла, которое только может родиться в самом воспалённом воображении.

(Ведь лишь закон, несущий ответственность за содеянное, способен остановить многих от совершения зла. А там, где ответственность не наступает, человек способен на всё, что угодно. Безнаказанное причинение боли и страданий другому, в особенности, безответному существу, приносит таким радость и маниакальное удовлетворение.

Человек, источая зло и презрение к окружающему миру, через призму своего эгоистичного потребительства, ещё смеет рассчитывать на то, что посеянное зло ему не вернётся, не отзовется в страданиях и мищени со стороны обиженных и обделённых? А человеком обижен весь этот грешный Мир! Он, этот мир вокруг, и есть отражение его, человека сущности. Той самой, во спасение которой и страдал Иисус! Мы сами создаём то, в чем сами и живём. Мы, люди, и есть наш Мир вокруг нас! И даже твари божьи, наши «братья четвероногие» есть отражение нашей, человеческой, сущности! Они и есть такие, какие есть мы. Злые и добрые. Верные и не очень...)

...Прошёл месяц-другой

Наступили первые заморозки. Стужа наполнила пространство. Белая позёмка лизала, слегка покрытые ледяной коркой, просторы двора, поднимая, порой, пыль в воздух, которая забивала шерсть, проникала в мокрый замёрзший нос, глаза, противно скрипела на зубах.

Лизка свернулась калачиком, рядом с двумя другими псами, на высохшей траве, нагретой собачьими брюхами под одним из балконных навесов. Рядом, на грязном тряпье, которое кто-то заботливо бросил сюда, вожак задумчиво положил морду на лапы. Казалось, вселенская тоска была в этих, повидавших свои собачьи виды, глазах, видевших и предательство, и страдания, и лишения... Кому оно есть дело до собачьей – то бездомной жизни! Уснёшь и не проснёшься, и никто даже и не заметит, не расстроится... Разве что слегка, может огор-

чатся приятели по бездомному несчастью, да и то ненадолго. В мире суровых реалий нет места для излишних сантиментов, лишь борьба за выживание, за место на грязной тяпке, за порцию тухлой жратвы!...

День шёл к завершению. Свет уступал мгле. Зажглись дворовые фонари, вырывая из темени подъездные территории, ряды припаркованных тут же автомобилей.

Хлопнула дверь подъезда, и оттуда вылетела овчарка-подросток, таща свою молодую хозяйку на поводке. Видимо, это собака выгуливала свою хозяйку, а не наоборот! Собака облаяла бездомных сородичей.

– Тише, идём! – хозяйка потянула питомца дальше, за дом. (Очевидно, хозяйка была одержима расхожим убеждением, что для серьёзных людей необходимо дома держать «настоящую» большую собаку, а не «шавку» какую-то. Так часто считают люди, даже и близко не осознающие всю степень социальной ответственности за такое решение. Ответственности за уход и воспитание таких питомцев, способных создать проблемы и угрозы, как для окружающих, так, порой, и для самих хозяев!)

Едва Лизка проводила завистливым взглядом молодую женщину, выгуливаемую её псом, как, услышав шуршание у мусорного контейнера сбоку от подъезда, наострила уши, подняла голову. Это были крысы – неизменные спутники людских обителей, словно тени человеческих пороков, следующие всегда рядом.

(И что это за «мудрец» придумал проектировать подъезды в непосредственной близости с этими зловонными мусоропроводными чревами – исчадиями грязной антисанитарии, привлекающими эти неприхотливые мерзкие твари божьи, цепляющиеся за любые ниточки во имя выживания своего пакостного рода несмотря ни на что?!)

Лизка глухо зарычала. Другие два пса, кроме вожака, беспокойно подскочили. Вожак же лишь лениво зевнул. «Что возьмёшь с этой молодёжи? – очевидно, значилось в этом зевке. – Тоже мне, нашли, о чём беспокоиться!»

Из темноты морозного вечера появилась девочка-подросток со школьным ранцем за плечами, подошла к подъезду.

– Ой! – она испуганно отпрянула, при виде скачущего откормленного грызуна, выронив книжку. – Ух, какая ты огромная! Испугала меня!

Девочка наклонилась, подняла книжку с надписью «Снежная королева», отряхнула, сунула подмышку.

У Лизки по-собачьи ёкнуло в груди. Она подскочила, подбежала к девочке, обнюхала.

Как она напоминала ей хозяйку! Но это была не она. И всё-таки собака лизнула девочке руку, опустила голову набок, и, прижав уши, посмотрела ей в глаза.

– Ах ты! – девочка погладила её по голове. – Бедняжка, ты, наверное, голодная, да?

Лизка завилала опущенным хвостом.

– Подожди, я сейчас!

За девочкой захлопнулась дверь, но Лизка сидела и ждала, гипнотизируя подъезд.казалось, она готова была так сидеть вечно. Малые псы поднялись и стояли поодаль, наблюдая. Вожак также встал, тряхнул седыми «дредками», опять зевнул всей пастью и снова улёгся. Он уже не раз видел такие сердобольные сцены. Его вера умерла много лет назад. Он знал точно – чудес не бывает. И его хозяин, внезапно исчезнувший здесь много лет назад вместе со строительной бригадой и строительным мусором, никогда не найдётся. А все эти людские сопельки, якобы, заботы, так, одни тщетные собачьи иллюзии. Пустые надежды. Ему-то это давно известно. Но как втолкуешь эти истины глупой наивной молодёжи? Пусть себе надеются... Он положил морду на лапы и закрыл глаза, оставив на дежурстве «бдить» лишь одно ухо.

Лиза ни на что особенно и не надеялась. Похоже, сам миг счастья, кусочек заботы, тепла, да и еды, и было именно то, ради чего она так вдохновенно готова была бесконечно ждать,

пожирая глазами дверь подъезда. И вот, казалось, сбылись надежды, дверь, наконец, снова открылась. Лизка приободрилась.

– Что-о-о! Милая, сидиш-ш-ш! – на пороге появился не твердо держащийся на ногах человек. От него разило водкой. Вожак поднялся, глухо гортанно рыкнул.

– Да не шуми-и, ты, Черныш-ш-ш! – мужик бросил псу и присел на корточки перед Лизкой, потрепал её по холке. – А ты чё тут, хо-ро-шая?!

Из его рта шёл пар. Лизка лизнула его в нос тёплым мокрым языком, тот рассмеялся, поднялся и отправился куда-то в тёмную неизвестность. Собака недоумённо смотрела вслед пошатающемуся человеку.

– Ах, этот Петрович, вечно он пьяный! – появилась, таки, наконец, девочка, покачала головой вслед качающемуся мужику, махнула рукой, повернулась к псу. – Ну, собака! Иди сюда! На! Ешь!

Она положила на ступеньку несколько кусочков варёной колбасы и хлеба.

Лизка понюхала еду. Посмотрела девочке в глаза. В собачьем желудке урчало. Но как важнее для неё в этот миг было тепло ладошек девочки, которые гладили её морду.

– Как же тебя зовут? – девчонка задумалась, – А! А давай, я буду называть тебя Герда! Ага?

Собака лизнула в ответ девочку в лицо. Та сморщилась.

– Тьфу ты!

Затем утёрлась и рассмеялась.

– Герда. Я буду называть тебя Герда!

А Лизка, ставшая только что Гердой, стояла, не шевелясь, млея. Не обращая ни какого внимания на то, что выданная пайка давно растаяла на глазах.

– Что, Катюша, собак снова кормишь? – из, только что подъехавшей к самому подъезду, белой «Сиерры», вышел мужчина, улыбнулся. – Ну, идём?

– Пап, я щас! Ты иди, я догоню, – девочка поднялась, обняла отца и снова присела гладить Герду.

– Ой, смотри, гладишь бродячих собак, руки потом не забудь вымыть, как следует! – он ушёл.

Малые псы усердно чавкали, жадно доглатывая последние куски целиком. Очевидно, что для них жратва стояла на первом месте, в сравнении с чем бы то ни было ещё!

– Ну, ты даёшь! Вот, пока ты думаешь, твои приятели всё слопали! Щас! Жди, принесу ещё! – девочка взмахнула руками и скрылась. Вскоре дверь подъезда глухо захлопнулась за её спиной...

С этой поры жизнь Герды обрела совершенно новый, совершенно иной смысл, наполнившись ожиданием встречи с этой милой девочкой, отдалённо напоминавшей её прежнюю хозяйку.

(Кто-то станет утверждать, что собаки ничего не чувствуют, а существуют, основываясь исключительно на инстинктах, такие «биологические роботы», без души. Но пусть это останется на их совести, ведь, как сказал Альберт Швейцер¹: «Чтобы понять, есть ли у животных душа, надо самому иметь душу».

А далеко не каждый человек, обладая «высшей нервной деятельностью» со своей знаменитой отличительной «второй сигнальной системой», в действительности имеет душу,

¹ Альберт Швейцер – немецкий и французский теолог, философ, гуманист, музыкант и врач, лауреат Нобелевской премии мира (1952).

ведь последняя, зачастую, иррациональна и способна к состраданию и самопожертвованию. Человек – бездушный же, исключительно рационально использует данные ему природой преимущества исключительно в угоду собственных эгоистичных целей, лежащих в основе первобытной эволюционной составляющей его материальной оболочки. Где же тут душа?! ... Что ж, «узки врата в рай»...!)

Зима отступала под неумолимым натиском весны. Ещё по утрам хрустели под ногами прохожих, покрытые льдом лужи. Ещё чернели грязные скукоженные кучки снега на месте прежних сугробов. А с крыш, время от времени, срывались ледяные глыбы, гулко рассыпаясь на множество осколков по тротуарам, пугая прохожих. Но свежий весенний воздух уже наполнился птичьим многоголосьем и солнечный свет радовал мир дольше обычного, суля очередное возрождение замершей на зиму жизни, неся предвкушение скорого лета!

– Черны-ыш, хоро-оший, – дворовая детвора гладила лохматого чёрного с проседью дворового пса. Тот стоял смиренно, прищурив покладисто глаза. Ему, повидавшему в жизни все виды лишений, унижений и жестокости, любая малость внимания и ласки была чертовски приятна. Он лизнул, в знак благодарности, детские руки. Два, уже известных нам, пса поменьше сустились рядом, жалобно выпрашивая, полными собачьей печали глазами, жратву.

– Всё, вы уже всё слопали! Нэма ничего! – курносый пацан с конопушками развёл руками.

– Ванька вам, жорики, ужо усё скормил! – усмехнулась девчонка в рябой вязаной шапке с бубоном. – Кстати, а где же Гердочка?

– Да она, Анька, беременная. Лежит себе там, в подвале, – вставился другой пацан.

– Гнездится! – со знанием дела добавил Ванька.

– Да, ну! От кого?

– От Черныша что ли?

– А я почём знаю! Я свечку не держал! – пацан шмыгнул носом, вытер его рукой.

– А во-о-он она! – Ванька ткнул пальцем перед собой. – Герда! Герда! Герда! Ходь сюдой! Ко мне!

Герда, услышав своё прозвище, засеменила в сторону детворы, виляя хвостом...

– А пошли на стадион что ли, мне тут надоело, – предложила Анька.

Она была одна девочка среди мальчишек. И, хотя те и считали её «своим пацаном», каждый из них всё же невольно стремился произвести на неё неизгладимое впечатление, в пробивающейся сквозь детство подростковой порослью, подсознательной борьбе за роль доминирующего «альфа-самца».

– Да, погнали!

Детвора подорвалась и вскоре веселая ватага, в сопровождении собак, двинулась на поиск приключений...

Герда и Черныш следовали за детворой, то отставая, то обгоняя их под влиянием своих собачьих интересов. Каждый угол, каждый куст таили в себе массу интереснейших, возбуждающих собачий нюх, следов и историй, оживающих в их воображении, стоило только поднести свой мокрый чувствительный пяточок носа, считывающий информацию, подобно магнитной головке видеопроектора. Какой притягательный в своём волнительном многообразии мир вокруг, в котором бездомному псу не хватает лишь одного – хозяйского тепла и заботы! Герда живо бегала по двору, что свойственно молодой собаке, Черныш же с нотками ленности степенно изучал территорию, косясь из-под взъерошенных дред с прищуром на детей, словно недоумевая от их увлечений. Забавы детворы для собак действительно выглядели странно, а порой даже бессмысленно. Но что возмёшь с этих маленьких людей, бредущих по миру вслепую, без должного чутья и обоняния, без понимания всей прелести удовольствия задрать

лапу на стенку повыше других! Как было знать тем псам, что это всё лишь кажущиеся отличия, которые в людях просто-напросто проявляются несколько иначе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.